

«Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ФГБУН

д. ф. н.

В. В. Головин

2020 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ –

федерального государственного бюджетного учреждения науки

«Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук»

о диссертационном исследовании Павла Федоровича Лимерова

«Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX вв.)»,

представленном на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» и 10.01.09 «Фольклористика»

Актуальность диссертационного исследования П.Ф.Лимерова обусловлена не абсолютной новизной материала, а новым ракурсом, который позволяет выстроить в едином исследовательском поле средневековые письменные тексты о Стефане Пермском, устные фольклорные нарративы и литературные произведения коми писателей XIX – начала XX в. об этом святом. Исследователь включается в изучение проблемы процесса перехода фольклорно-мифологического типа сознания к художественному. Обозначив Житие Стефана Пермского (XIV в.) ключевым для коми культуры произведением, диссертант определяет *объект* своего исследования – «совокупность оригинальных литературных и фольклорных текстов, воспроизводящих и интерпретирующих канонический сюжет ЖСП» (С.7), и вводит термин *нарративы христианизации*. *Предметом* исследования

являются семантические трансформации сюжета христианизации в литературных и фольклорных произведениях.

Теоретическая значимость исследования заключается в предложенном исследователем анализе становления и развития национальной литературы одного из так называемых младописьменных народов – коми. Полученные результаты, без сомнения, могут стать моделью для осмысления аналогичных проблем в других национальных литературах России. В этом заключается **практическая значимость теоретических обобщений**.

Структура работы. Цели и задачи исследования обозначены во Введении. В четырех главах – «Христианизация Вычегодской Перми в православной письменности», «Мифологические сюжеты и образы дохристианских представлений народа коми: фольклорная реконструкция», «Фольклорные нарративы о христианизации народа коми: синтез истории и легенды», «Тема христианизации в коми литературной традиции Нового времени» – П.Ф.Лимеров выстраивает стройную картину развития нарративов христианизации (книжных и фольклорных) со времен Стефана Пермского (XIV в.) до К.Ф.Жакова (начало XX в.). Читатель в диссертационном исследовании получает целостную картину данного сегмента культуры коми, который, что естественно, в разных ракурсах получал освещение в многочисленных трудах ученых разных специальностей (историков, богословов, специалистов в области средневековой письменности, литературоведов).

Глава I «Христианизация Вычегодской Перми в православной письменности» предлагает системный анализ древнерусских письменных памятников с темой Стефана Пермского, принесшего в Пермь Вычегодскую христианство. Центром исследования становятся Житие Стефана Пермского, автором которого является его современник Епифаний Премудрый (XIV в.), Повесть о Стефане Пермском, летописные свидетельства о святом. Ключевой для П.Ф.Лимерова является кирилло-мефодиевская традиция в сложении житийного образа Стефана Пермского, деятельность которого осмысляется через образы Константина-Кирилла и Мефодия: рождение на границе христианского мира (Салоники для Византии – Великий Устюг для средневековой Руси), учение и ранний интерес к книжности, монашество, христианское просвещение языческих народов, создание азбуки для новообращенных, перевод богослужебных книг, литургическое служение на национальном языке и пр. Свободное оперирование текстами Евангелия, житий и поучений – это, безусловно, сильная сторона диссертационного исследования.

Обратим внимание на параграф «"Пермская азбука" Стефана как квинтэссенция крещения "пермян"», где диссертант освещает гипотезу существования достефановского алфавита у коми, сосредоточивается на проблеме созданного Стефаном Пермским алфавита, рассматривает имена

букв *бур* «добро» и *шой* «труп, мертвый человек», стоящих в начале и в конце алфавитного текста. Слова «добро» и «труп», подчеркивает П.Ф.Лимеров, выступают в качестве символов жизни и смерти; «название стефановского алфавита *а-бур* прочитывается как *Начало Добра или Бог Добра*» (С.111).

В освещении деятельности Стефана Пермского исследователь вступает в спор (может быть, кому-то покажется – недостаточно решительный) с крайними оценками, высказанными в наше время. В частности, диссертант обращает внимание на полемичную статью М. Д. Игнатова, в которой утверждается: «Не будет большого преувеличения и натяжки, если скажем, что первый наместник московских князей в Коми крае, Стефан Храп, прозванный Пермским, и канонизированный православной церковью как святой, своей агрессивно-насильственной миссионерской деятельностью причинил чудовищный и непоправимый урон самобытной, подлинно национальной языческой культуре коми народа и благополучию Коми края вообще» (Игнатов М.Д. Языческая, православная и большевистская идеологии в истории Коми края // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности Игнатов и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 110).

В связи с подобной оценкой христианизации Перми Вычегодской в XIV в. мы хотели бы обратить внимание на латентный потенциал исследования П.Ф.Лимерова, чего сам диссертант в своей работе не касается. Связка Русь – Пермь Вычегодская (XIV в.) типологически аналогична связке Византия – Русь (X в.): древнекиевское языческое государство в свое время приняло христианство от Византии. Конечно, механизмы взаимоотношений культуры-донатора и культуры-реципиента в каждом случае имеют свои особенности, но общие тенденции, вероятно, одни и те же. В этом смысле исследование П.Ф.Лимерова дает хорошую почву для размышлений над темой христианизации Руси. Укажем, кстати, что как нам кажется, в методологическом плане исследованию несколько не хватает обращения к трудам А.Н.Веселовского, который на высоком уровне осветил проблему влияния христианской культуры Византии на языческую Русь.

Глава II **«Мифологические сюжеты и образы дохристианских представлений народа коми: фольклорная реконструкция»** посвящена проблеме реконструкции дохристианских представлений коми о высших божествах. Здесь исследователь неизбежно вступает на зыбкую почву недостаточного количества материала. К XIX-XX вв., когда началась собирательская работа, у коми, пусть не в такой степени исчезновения как у русского народа, сохранились остаточные сведения о верховных божествах периода язычества. Скучные данные, естественно, вызвали множество толкований в научной среде (см. параграф «Историография и проблемы изучения дохристианской коми мифологии»). П.Ф.Лимеров сосредоточивается на реконструкции образа Богини Матери (параграф

«Богиня Мать в мифологии коми: реконструкция образа»), имя которой не сохранилось ни в письменных источниках, ни в устной традиции. Отталкиваясь от предметно-изобразительного материала (археологические предметы пермского звериного стиля), привлекая данные соседних народов (саамы, тунгусы-эвенки и др.), вводя в систему рассуждений устные мифологические рассказы о брачных отношениях охотника коми и лесной женщины, исследователь доказательно обосновывает тезис: Богиня Мать коми, чей хозяйственный уклад определялся охотничье-промысловой культурой, принципиально не аналогична Матери сырой земли русского народа – земледельцев. В современных устных текстах (заговоры на вхождение в лес) имеется образ Матушки Лес-Вода, который, считает диссертант, является отражением Богини Матери. Без сомнения, гипотеза П.Ф.Лимерова дает большую пищу для размышлений.

Более прочные основания (в смысле наличия устно-поэтического материала) имеет параграф «Дуалистические легенды в фольклорной традиции коми», где рассматриваются семь основных эпизодов коми «народной библии»: 1. Сотворение земли-суши; 2. Создание земного рельефа, солнца и луны, ангелов и демонов; 3. Создание животных; 4. Сотворение человека; 5. Появление смерти; 6. Небесная война и передел мира; 7. «Запирание» бесов в горшках. Системно, последовательно, с привлечением богатого текстового материала диссертант демонстрирует, как на базе архаических нарративных моделей конструируются новые «библейские» рассказы.

В отдельном параграфе «Эсхатологические сюжеты в коми мифологии», во многом построенном на полевых материалах автора, рассмотрены две одновременно существующие в коми культуре модели реализации темы эсхатологии. В мифологической модели акцентируется идея смены разных популяций (карликовая чужь → люди, постепенно слабеющие и деградирующие); эта модель не включает в свои построения категорию греха. После исчезновения современных людей появится обновленное человечество, которое не имеет никакого отношения к предыдущему. Другой тип представлен в христианской модели. «Христианский эсхатологический сценарий, - подчеркивает исследователь, - напротив, предполагает полное уничтожение мира без его восстановления в прежних параметрах, при этом мертвецы должны воскреснуть в своей прежней телесности, в какой были при жизни, и восстановленное во всей численности человечество примет участие в Страшном Суде. В идее воздаяния заключается весь смысл эсхатологической истории: праведники за свои страдания получают «вечную жизнь», а грешники – «бесконечное мучение»» (С.258).

Для фольклористов наиболее интересной в диссертации является глава III «**Фольклорные нарративы о христианизации народа коми: синтез истории и легенды**». Обращаясь к фольклорному материалу, который, впрочем, в основном уже давно получил освещение в трудах разных ученых,

исследователь верно определяет основные факторы, повлиявшие на создание фольклорно-религиозного фонда коми народа: православно-догматические тексты; коми язычество; русское народное православие; разные религиозные конфессии коми (ортодоксальные православные, старообрядцы разных толков, секта «Бурсьылысьяс» - «Певцы Добра»). Диссертант заявляет тезис о том, что образ Стефана Пермского в Житии Епифания Премудрого и в устных нарративах предстает принципиально разным – просветитель, равный апостолам (Житие), и чудотворец, колдун (в фольклорной традиции). Решая вопрос о жанре устных нарративов – историческое предание или христианская легенда – исследователь склонен к последнему определению. Данная глава раскрывает сложные, многообразные, разнонаправленные взаимоотношения письменной и устной культур.

Последовательно и весьма скрупулезно автор анализирует четыре группы фольклорных нарративов о Стефане Пермском. Первый корпус текстов – с мотивом магического поединка святого и его противника – освещен в параграфе «Поединок святого и мага в агиографии и в фольклорной традиции». Указав на бытование сюжета о поединке колдунов вне стефановского топоса, скрупулезно проанализировав тексты, где Стефан (Степан) предстает более сильным колдуном, чем его языческий противник, обозначив регион бытования сюжета о поединке (в том числе и в тех районах, где Стефан Пермский никогда не бывал), назвав мотивы, присоединяющиеся к теме состязания колдунов (перетянутая поперек реки цепь; мотив оборотничества; мотив плавания под водой и пр.) – исследователь акцентировал внимание на соотношении фольклорных текстов с агиографией. Житийный эпизод прения Стефана Пермского с Памой-сотником лишь формально похож на фольклорные поединки героев. П.Ф.Лимеров делает вывод: «...не может быть и речи о влиянии литературного текста на формирование фольклорных нарративов, скорее, надо констатировать, что созданный в литературной среде образ святого подвижника, не был усвоен народной традицией» (С.308).

В параграфе «Легенды о Степане-крестителе и его путешествиях в контексте формирования православного пространства» последовательно и четко рассмотрены легенды топонимического характера (именование деревень Гам, Ляля, Кось и др.). Путешествие Стефана Пермского имеет целью языческую периферию превратить в центр христианства. Любопытны и убедительны рассуждения диссертанта о мотиве камня, на котором плышет Стефан Пермский; он связывает тему стефановского камня с плавающим камнем в начале творения мира демиургом (хаос), остановки камня и превращения его в гору, центр мира, мировую ось (космос).

Опираясь на труды предшественников (Л.С.Грибова, Л.П.Лашук и др.), П.Ф.Лимеров весьма плодотворно рассматривает тему «Мотив крещения в легендах о чуде: предки не принявшие новую веру». Исследователь убедительно выявляет своеобразие образа чуди, распространенного на

исследователь верно определяет основные факторы, повлиявшие на создание фольклорно-религиозного фонда коми народа: православно-догматические тексты; коми язычество; русское народное православие; разные религиозные конфессии коми (ортодоксальные православные, старообрядцы разных толков, секта «Бурсьылысьяс» - «Певцы Добра»). Диссертант заявляет тезис о том, что образ Стефана Пермского в Житии Епифания Премудрого и в устных нарративах предстает принципиально разным – просветитель, равный апостолам (Житие), и чудотворец, колдун (в фольклорной традиции). Решая вопрос о жанре устных нарративов – историческое предание или христианская легенда – исследователь склонен к последнему определению. Данная глава раскрывает сложные, многообразные, разнонаправленные взаимоотношения письменной и устной культур.

Последовательно и весьма скрупулезно автор анализирует четыре группы фольклорных нарративов о Стефане Пермском. Первый корпус текстов – с мотивом магического поединка святого и его противника – освещен в параграфе «Поединок святого и мага в агиографии и в фольклорной традиции». Указав на бытование сюжета о поединке колдунов вне стефановского топоса, скрупулезно проанализировав тексты, где Стефан (Степан) предстает более сильным колдуном, чем его языческий противник, обозначив регион бытования сюжета о поединке (в том числе и в тех районах, где Стефан Пермский никогда не бывал), назвав мотивы, присоединяющиеся к теме состязания колдунов (перетянутая поперек реки цепь; мотив оборотничества; мотив плавания под водой и пр.) – исследователь акцентировал внимание на соотношении фольклорных текстов с агиографией. Житийный эпизод прения Стефана Пермского с Памой-сотником лишь формально похож на фольклорные поединки героев. П.Ф.Лимеров делает вывод: «...не может быть и речи о влиянии литературного текста на формирование фольклорных нарративов, скорее, надо констатировать, что созданный в литературной среде образ святого подвижника, не был усвоен народной традицией» (С.308).

В параграфе «Легенды о Степане-крестителе и его путешествиях в контексте формирования православного пространства» последовательно и четко рассмотрены легенды топонимического характера (именование деревень Гам, Ляля, Кось и др.). Путешествие Стефана Пермского имеет целью языческую периферию превратить в центр христианства. Любопытны и убедительны рассуждения диссертанта о мотиве камня, на котором плывет Стефан Пермский; он связывает тему стефановского камня с плавающим камнем в начале творения мира демиургом (хаос), остановки камня и превращения его в гору, центр мира, мировую ось (космос).

Опираясь на труды предшественников (Л.С.Грибова, Л.П.Лашук и др.), П.Ф.Лимеров весьма плодотворно рассматривает тему «Мотив крещения в легендах о чуде: предки не принявшие новую веру». Исследователь убедительно выявляет своеобразие образа чуди, распространенного на

обширнейшей территории Русского Севера, Поволжья, Сибири, в коми культурной традиции. В образе чуди у народа коми прочитывается представление о предках, не принявших христианство: нынешние коми – христиане; чудь – коми язычники. Интересны рассуждения автора о чуди – карликовых зооантропоморфных существах как первопредках коми, живших в эпоху Золотого века (небо и земля близки друг к другу; нет голода; не нужно трудиться и т.д.). Потеря Золотого века происходит из-за неправильных действий женщины, в результате чего происходит смена эпох: приходят современные люди, вынужденные трудом добывать пищу. Самый знаменитый мотив, повсеместно связанный с чудью, – мотив самопогребения – трактуется ученым как «искаженная версия чудского текста о смене мифологических эпох» (С.355). Останавливается диссертант и на обрядах поминовения чуди в коми традиции, существенно отличающихся от поминовения «родителей» (без участия священнослужителей; мотив кары христианским потомкам со стороны язычников-предков; веселье на поминках). Рассуждение исследователя о чуди в устной коми культуре, не сомневаемся, будут востребованы всеми, кто затрагивает тему чуди в различных региональных традициях русского народов и других народов России. Исследование П.Ф.Лимерова наглядно демонстрирует, что в отношении фольклорного образа чуди необходимо ставить проблему его своеобразия в разных регионах и у разных этносов.

Последний параграф третьей главы – «Ослепление “вымской чуди”»: фольклорная интерпретация агиографического топоса» – опять выводит исследователя на проблему влияния письменного текста (агиография) на устную традицию. Фольклорный мотив наказания Стефаном Пермским святотатцев-язычников, напавших на церковь, слепотой, считает исследователь, начало берет в агиографии святого.

В связи с интересной главой «Фольклорные нарративы о христианизации народа коми: синтез истории и легенды» мы хотели бы диссертанту задать несколько вопросов. Первый касается проблемы бытования (функционирования) текстов легенд в устной традиции. Понятно, что ситуация «информант – собиратель» является искусственной. Что позволяет легендам о Стефане Пермском в наше время функционировать (быть актуальными) в коми (и русской) культуре? Как происходит трансмиссия устных текстов от старшего поколения к младшему? Какова роль современных письменных источников (церковных, краеведческих, интернет-ресурсов) в актуализации стефановского топоса?

Второй вопрос касается современных текстов и проблемы текстообразования несказочных нарративов. В недавней монографии рано ушедшего из жизни петербургского фольклориста В.В.Виноградова, также касающейся христианской составляющей народной культуры, выдвигается тезис: «Нарратив – явление, творимое собеседниками» (Виноградов В.В. Северорусские почитаемые места: топика святынь. Избранные статьи,

диссертация / ред.-сост., вступ. статья, коммент. Е.В.Хаздан; науч. ред. А.Ф.Некрылова. – СПб.: Пропповский центр, 2019. С.33), т.е. получаемый в поле фольклористами текст творится и информантом, и собирателем. Слушающий осознанно или неосознанно воздействует на течение разговора. Не мог бы диссертант прокомментировать это положение, исходя из своего собственного полевого опыта.

Из области замечаний. Нам кажется, что для этой главы в диссертации не хватает таблицы (списка), в которой были бы представлены библиографические и архивные указания на все устные тексты о Стефане Пермском. Равным образом, в рассуждениях о пути Степана, как он предстает в устных нарративах, не была бы лишней карта с реками Вымь, Вычегда и пр. и обозначенными деревнями, номинация которых приписывается святому.

Глава IV «Тема христианизации в коми литературной традиции Нового времени» погружает читателя в период становления коми литературы Нового времени. В двух параграфах рассмотрены поэма основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова (1839-1875) «Пама» и литературные произведения этнографа и философа Каллистрата Фалалеевича Жакова (1866-1926), создателя философско-религиозной системы, названной им «лимитизм». Эта глава, подчеркнем, представляет большой интерес прежде всего для читателя, плохо знакомого с коми литературой XIX – XXI вв.

В незаконченной поэме «Пама» И.А.Куратова заложенная в древнерусской литературе интерпретация деятельности христианина Стефана Пермского (со знаком плюс) и язычника Пама-сотника (со знаком минус) получает более сложную трактовку. Пама, романтический герой, предстает драматической фигурой – ревнителем древних обычаев и отечественной религии. И.А.Куратовым, напоминает диссертант, впервые был заявлен тезис о политической подоплеке деятельности Стефана Пермского.

Обращаясь к К.Ф.Жакову, исследователь ставит задачу «рассмотреть концепцию язычества в художественных произведениях К.Ф.Жакова в контексте его научных и философских разысканий» (С.406). П.Ф.Лимеров останавливается на ранней научной статье К.Ф.Жакова «Языческое мирозерцание зырян» (1901). Уже в этой этнографической работе К.Ф.Жаков начинает конструировать мифологическую модель коми-народа – универсальную трехчастную схему с центральной осью (гора, на которой находится небесный бог Ен). «Объективно, этот поэтический по мироощущению космос полностью составлен Жаковым из разрозненных фольклорных фактов <...> он мифотворец, в своей реконструкции создающий новый миф на темы, заданные фольклорными сюжетами» (С.413), - заключает П.Ф.Лимеров. Тезис «Жаков – мифотворец» является основополагающим для исследователя и в рассмотрении других произведений этого коми писателя.

В новелле «Бегство северных богов» (1911) К.Ф.Жаков, подчеркивает диссертант, выстраивает весь языческий коми пантеон: Ен (персонификация Неба) и его жена Мать Земли; их дети Солнце и Луна; бог ветров Войтель, связанный с лесным пространством, и Ема, лесная богиня; Васа (персонификация воды); Куль (персонификация подземного мира) и т.д. Мифологическая история явлена в сюжетах 1) об окончании Золотого века, когда Небо отделилось от Земли (Небесный Бог Ен покинул Мать земли), 2) о последовательной гибели коми героев-богатырей (Идан, Пера, Яг-морт, Йиркап). Мифологическая история заканчивается с приходом Стефана Пермского и перемены веры.

В теме мифологического нарратива важное место занимает поэма К.Ф.Жакова «Биармия» (1916), написанная калевальским метром. Тезису об «авторском фантазировании на темы мирового фольклора» (А.К.Микушев) П.Ф.Лимеров противопоставляет более сложный тезис: поэма «помимо литературно-художественного имеет и сугубо научное значение как реконструированный мифологический эпос, в котором реализованы: 1) научно-теоретические взгляды Жакова; 2) материалы его полевых исследований фольклора; 3) материалы сравнительно-мифологических исследований» (С.426). Ф.М.Лимеров суть мифотворческой работы К.Ф.Жакова в «Биармии» определяет следующим образом: «Путь восстановления эпоса был таков: пользуясь методами антропологической теории выделить “пережитки” эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующего диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на “Калевалу” Леннрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет» (С.428).

Позволим заметить: да, действительно, литературный эпос «Биармия» был создан К.Ф.Жаковым по аналогии с «Калевалой» Э.Леннрота. Однако, на наш взгляд, следовало бы очертить и более широкий литературный контекст. Надо было бы подчеркнуть, что «Биармия» вписывается в типологический ряд «восстановления» национального эпоса (и мифологии), осуществленного культурами других народов: шотландец Дж. Макферсон и его поэмы древнего барда Оссиана (1762-1763); Краледворская и Зеленогорская рукописи чеха Вацлава Ганки (1817-1818); эстонская поэма «Калевипоэг», написанная руническим стихом, Фридриха Крейцвальда (1857-1861). А рядом находятся попытки реконструкции белорусской мифологии П.М.Шпилевского (Древлянского) в его научном по форме исследовании «Белорусские предания» (1846-1852). Все названные произведения были достаточно успешны, имели резонанс в общественном сознании, так как отвечали идее национального возрождения своих народов.

Тем не менее все они являются фальсификатами – пусть даже переходящими в область мистификаций.

Поэма «Биармия» К.Ф.Жакова не имеет бэк-граунда фальсификации (мистификации), равно, и как «Калевала» Э.Леннрота, но произведение коми автора вызвано той же идеей национального возрождения (национальной самоидентификации), что и названные произведения.

П.Ф.Лимеров замечает: «... цель Жакова – не просто написать поэму о прошлом, а попытаться восстановить утраченный коми-зырянский эпос. Поэтому он не использует коми фольклорные материалы напрямую, а возводит их к первоначальной, с его точки зрения, мифологеме» (С.427).

Заметим, что, принимая в целом данный тезис и весь ход предложенного анализа «Биармии», мы все-таки хотели бы уточнить положение об «утраченном» коми эпосе: действительно ли существовал, с точки зрения диссертанта, такой эпос в древности? или он создавался в исторически обозримую эпоху XIX в. путем заимствования на основе русского эпоса (известны эпические коми духовные стихи о Федоре Тироне, о Егории Храбром и царе Идоле) и эпических форм ненцев (см. образцы в книге «Изсайса комияслён фольклор (Фольклор зауральских коми) / Сост. М.И.Ёлтышева, Н.С.Коровина, А.В.Панюков. Сыктывкар; Салехард, 2017)? Не точнее ли говорить не о восстановлении «утраченного коми-зырянского эпоса», а о восстановлении (очень гипотетическом) коми мифологической модели мира?

Связка «мифологическая история и христианство», как показывает диссертант, в творчестве К.Ф.Жакова находит место в книге «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905). Размышляя вместе со своими героями над проблемой, почему языческий мир коми рухнул под натиском новой веры, ставя гносеологические проблемы (познаваем ли мир), К.Ф.Жаков, как убедительно доказывает П. Ф. Лимеров, приходит к идее примирения языческого мира зырян с христианством, причем платформой для такого примирения становится индийская религиозная философия.

П. Ф. Лимеров, естественно, не является первопроходцем в теме осмысления произведений И. А. Куратова и К. Ф. Жакова. Он опирается на труды А. К. Микушева, Ю. Г. Рочева, В. Н. Демина, Е. К. Созиной, А. М. Сагалаева, О. В. Ведерниковой и других исследователей. Однако, подчеркнем, рассуждения диссертанта, заточенные на проблему отражения христианизации в коми литературных текстах, позволяют осмыслить специфику литературного процесса у коми.

Тема христианизации, как следует из исследования П. Ф. Лимерова, является ключевой для коми литературы нового времени. Осмысление истории коми народа и его самоидентичности преломляется через поворотный эпизод – христианская проповедь Стефана Пермского. П. Ф. Лимеров называет современные литературные произведения (коми и русскоязычные писатели Г. А. Юшков, О. И. Уляшев, А. Н. Расторгуев и др.),

в которых христианизация оценивается отнюдь не так однозначно, как в Житии Стефана Пермского Епифания. Ни в коем случае не отрицая значение темы христианизации, позволим себе задать вопрос: не считает ли исследователь, что проблема самоидентичности коми и истории народа не может быть ограничена только стефановским топосом. Вероятно, есть и другие сегменты коми истории, формировавшие коми идентичность. Отразились ли эти сегменты в литературе нового времени и, если да, то каким образом?

Насколько адекватно, по мнению диссертанта, современный язык и современное языковое сознание отражают традиционное мировоззрение и насколько реально (в какой степени) реконструировать средствами современного языка текст исторического предания?

Позволим себе задать еще один вопрос, выходящий за рамки предложенного исследования и имеющий острый характер. Говоря о современной коми литературе, П. Ф. Лимеров обращает внимание на романы Г. А. Юшкова, который «в первом отступничестве» коми-предков от языческой религии увидел «комплекс вины коми людей перед предками и причину современного разрушения коми этноса» (С. 400). Хотелось бы, чтобы автор прокомментировал тезис о «современном разрушении коми этноса».

Последний вопрос касается автореферата. На с. 3 автореферета читаем: «фольклор сам по себе может порождать только фольклорные тексты, а литературное освоение фольклора уже свидетельствует о наличии художественного сознания». А в фольклорных текстах художественное сознание отсутствует? Или что понимает автор под «фольклорными текстами»?

Соответствие диссертации требованиям «Положения о присуждении ученых степеней». В результате диссертационного исследования П. Ф. Лимерова «Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX вв.)» читатель получает объемную, многогранную, многовекторную картину христианизации коми, но не в плане истории, а в сфере литературной и фольклорной традиций. Исследование отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам, представленным на соискание ученой степени доктора филологических наук. Предмет и содержание диссертации соответствует избранным специальностям 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» и 10.01.09 «Фольклористика».

Научную апробацию основные положения диссертации прошли при публикации книг автора (Мифология загробного мира. Сыктывкар, 1996; Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М., 2008; Иван Алексеевич Куратов. Сыктывкар, 2018), в комментированных изданиях текстов (Му-пуксьом – Сотворение мира: мифология народа коми. Сыктывкар, 2005), в статьях, напечатанных в

периодических изданиях (в том числе 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК) и тематических сборниках, в докладах на научных конференциях. Автореферат диссертации полностью отражает основные положения исследования.

Диссертация Павла Федоровича Лимерова «Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX вв.)» соответствует всем требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, в том числе пп.9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Лимеров Павел Федорович заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальностям 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации» и 10.01.09 «Фольклористика».

Отзыв ведущей организации на диссертационное исследование П. Ф. Лимерова «Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX вв.)» составлен доктором филологических наук, главным научным сотрудником Отдела русского фольклора ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук» Ивановой Татьяной Григорьевной.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Отдела русского фольклора ФГБУН «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук», протокол № 4 от 01 октября 2020 г. (в протоколе зафиксировано особое мнение А. Н. Власова).

Главный научный сотрудник Отдела русского фольклора
ФГБУН «Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской академии наук»,

доктор филологических наук

Иванова Т. Г. Иванова

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034 Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4, (812)3281901
e-mail: irliran@mail.ru
www.pushkinskiydom.ru